

С. С. КРЫМЪ.

Крымскія
легенды.

ПАРИЖЪ, 1925.

С. С. КРЫМЪ.

Крымскія
легенды.

ПАРИЖЪ, 1925.

Фенъ Самойловнѣ Эттингеръ

Любезный Другъ,

Въ Вашемъ гостепріимномъ и уютномъ домѣ, куда я попалъ послѣ разгрома родины и унижительныхъ мытарствъ, въ долгіе зимніе ненастные вечера я рассказывалъ Вамъ Крымскія легенды.

Это было въ мрачной и холодной Гаагѣ, гдѣ Спиноза училъ не плакать, не смѣяться, а понимать.

Вы настояли, чтобы я ихъ записалъ и напечаталъ. Выпуская мои рассказы отдельной книжкою, позвольте мнѣ посвятить ихъ Вамъ, какъ слабый знакъ нашей дружбы и искренней благодарности за гостепріимство и за ласку.

Авторъ.

Перстень Хана.

I.

Крымъ Гирей Ханъ, лучшее звено въ лучезарной цѣли Крымскихъ Хановъ, мудрѣйшій изъ потомковъ Чингизъ Хана, съ тонкимъ, какъ игла, умомъ, почувствовавъ приближеніе смерти, призвалъ къ себѣ знаменитаго и старѣйшаго изъ всѣхъ крымскихъ мурзь, Ширинъ Бея, снялъ съ холодѣющей руки драгоцѣнный перстень, хранящій человека отъ злого глаза и коварства, и передалъ его Ширинъ Бейю.

— Смотри, не снимай его съ руки до конца дней твоихъ.

И это было послѣднее слово Великаго Хана, который видѣлъ глубоко и смотрѣлъ далеко.

**

Послѣ Ширинъ Бея осталось его тремъ сыновьямъ большое имущество: земли около Керчи, Каффы, Карасу, дома въ Перекопѣ,

много овецъ, верблюдовъ, табуны лошадей; все сыновья Ширинъ Бея, какъ подобаеъ наследникамъ знаменитаго челоуѣка, мирно подѣлили. Только не могли найти перстня покойнаго, который оберегалъ отъ злого глаза и отъ коварства.

Сыновья Ширинъ Бея давно помнили этотъ перстень, они помнили, какъ огромный бриллиантъ сверкалъ и освѣщалъ комнату во время полнолунія, вбиралъ и отражалъ, и игралъ мягкими лучами свѣтлой крымской луны.

Отыскать перстень братья не могли. Когда скончался отецъ, только братья были въ комнатѣ, и для нихъ стало ясно, что одинъ изъ братьевъ укрывъ драгоценный перстень Долго спорили, ссорились и по предложенію старшаго брата рѣшили идти за разрѣшеніемъ ихъ спора къ славившемуся въ то время судѣ, Біюкъ Башу Абдураманъ Эффенди.

Біюкъ Башъ своими рѣшеніями старался превзойти самого Сулеймана бекъ Давида, царя Иудейскаго, которому Аллахъ открылъ всѣ бездны мудрости и знанія.

Вотъ къ нему и собрались братья въ путь.

Они взяли для поднесенія судѣ лучшую шубу покойнаго отца, приготовили на два дня пищу для себя и корму для лошадей и пустились въ дорогу.

Въ Минарелли имъ пришлось сдѣлать привалъ у колодца, пока лошади отдохнутъ.

Не успѣли сойти съ коней, какъ къ братьямъ подбѣжалъ растерянный старикъ съ вопросомъ: не встрѣчали ли они его верблюда съ грузомъ и женой.

— Нѣтъ, сказали братья, не встрѣчали. Но, постой, отдохни съ нами: посмотри, на тебѣ лица нѣтъ.

Старикъ подсѣлъ къ братьямъ. Молча ѣли путники, и, когда голодъ былъ утоленъ, старшій братъ, раскуривая трубку, спросилъ старика:

— Скажи, пожалуйста, твой верблюдъ былъ съ бѣльмомъ на правомъ глазу?

— Да. Значить, ты видѣлъ его?

— Нѣтъ, не видѣлъ, отвѣтилъ задумчиво старшій братъ, выпуская дымъ кольцами.

Не успѣлъ старикъ сообразить полученное извѣстіе, какъ второй братъ обратился съ еще болѣе его изумившимъ вопросомъ:

— А скажи, отецъ мой, грузъ твой состоялъ изъ двухъ боченковъ и въ правомъ былъ медь, а въ лѣвомъ уксусъ?

— Да, да... вскочилъ старикъ.

— Постой, постой, дѣдъ, не волнуйся, сказалъ младшій, а жена твоя очень толстая, грузная женщина.

Старикъ остолбенѣлъ.

— Гдѣ мой верблюдъ, гдѣ моя жена, от-
дайте... это вы угнали.

— Нѣтъ, мы не знаемъ, мы сыновья Ба-
рія Челеби и ѣдемъ по своему дѣлу къ судѣ
Біюкъ Башу.

— Нѣтъ, вы разбойники.. гдѣ мой вер-
блюдъ? Воры... гдѣ? И я поѣду съ вами къ
судѣ Эффенди.

Братья не могли успокоить расхоловаго-
ся старика и дальше путешествіе продолжали
вчетверомъ. Какъ только кони ускоряли шагъ,
старикъ раздражался такой сильной бранью и
такими проклятіями, что останавливался въ-
теръ. Благодаря этому, поздно вечеромъ, ког-
да уже сверкала на закатѣ вечерняя звѣзда,
они въѣхали во дворъ Біюкъ Баша Кадія.

Самъ Кадій Біюкъ Башъ Эффенди встрѣ-
тилъ на крыльцѣ богатыхъ и знатныхъ моло-
дыхъ людей, сдѣлалъ молитву объ успокоеніи
души отца ихъ и спросилъ о причинѣ, заста-
вившей ихъ искать его правосудія.

Братья изложили существо своего спора.

— А этотъ старикъ?

— Спроси его, Эффенди, мы не знаемъ,
что онъ отъ насъ хочетъ.

Старикъ, волнуясь, сбиваясь, пересыпая
свою рѣчь бранью, рассказалъ Кадію о своемъ
несчастіи.

— Какъ же такъ? — спросилъ Кадій бра-
тьевъ.

— Очень просто, отвѣтилъ старшій братъ,
старикъ, такъ же, какъ и тебѣ, волнуясь и
спѣша, рассказалъ намъ о своей бѣдѣ и, сооб-
разивъ всѣ обстоятельства, я спросилъ его,
не былъ ли верблюдъ съ бѣльмомъ на пра-
вомъ глазу и вотъ почему: проѣзжая тро-
пинкой по лугу, я замѣтилъ, что по обѣимъ
сторонамъ росла одинаковая трава, а подъ-
ѣдена была только слѣва; я и заключилъ, что
прошло животное, кривое на правый глазъ;
не успѣлъ я спросить старика, какъ онъ раз-
волновался.

— Послѣ вопроса брата, сказалъ второй
братъ, я тоже сопоставилъ свои наблюденія,
и не утверждалъ, а только спросилъ, не было
ли въ правомъ боченкѣ меду, а въ лѣвомъ ук-
сусу и вотъ почему: проѣзжая мимо колод-
ца Чубуртма Сорта, я замѣтилъ на пыли слѣдъ
лежавшаго верблюда и два кружка отъ бочен-
ковъ, на правомъ вились пчелы, а на лѣвомъ
мошки.

— А я подумалъ, что его жена толстая,
грузная женщина, потому что на пыли были
отпечатки двухъ кистей, которыя сильно упер-
лись въ землю, когда человѣкъ вставалъ. Со-
образивъ, что человѣкъ былъ очень грузенъ,
я только спросилъ старика, но онъ сталъ кри-

чать, называть насъ разбойниками и ворами и не стать слушать.

Судья задумался, а затѣмъ сказалъ:

— Вотъ что, старикъ, ты не теряй времени и иди искать верблюда. Эти люди не причастны къ твоей пропажѣ, а вы, обратился судья къ братьямъ, будьте моими гостями, переночуйте. Завтра я разберу ваше дѣло.

Старикъ ушелъ, а молодымъ людямъ было отведено особое помѣщеніе. Самъ Біюкъ Башъ наблюдалъ, чтобы гостямъ были доставлены свѣжій хлѣбъ и молодая баранина. Пожелавъ спокойной ночи, Кади Эффенди вышелъ и, обойдя домъ, вернулся на цыпочкахъ осторожно, какъ котъ, къ дверямъ и сталъ, глядя въ замочную скважину, прислушиваться, чтобы изъ своихъ наблюдений уловить руководящую нить для разрѣшенія трудной задачи.

Братья, сотворивъ краткую предтрапезную молитву, молча сѣли за столъ.

Старшій, попробовавъ кусокъ баранины, сказалъ:

— Этотъ ягненокъ вскормленъ молокомъ собаки.

Второй замѣтилъ:

— А этотъ хлѣбъ испеченъ изъ зеренъ пшеницы, посѣянной на кладбищѣ.

Третій сказалъ:

— Напрасно мы сдѣлали такое длинное путешествіе. Нашъ судья, Біюкъ Башъ, подлецъ, которому нѣтъ на свѣтѣ равнаго.

Біюкъ Башъ отскочилъ. На разсвѣтѣ онъ потребовалъ къ допросу своихъ слугъ. Пастухъ, послѣ долгихъ запираТЕЛЬствъ, сознался, что ягненокъ былъ, дѣйствительно, подкормленъ оценившейся сукой; экономъ долженъ былъ удостовѣрить, что послѣднимъ лѣтомъ мука смолота изъ пшеницы, засѣянной на кладбищѣ.

Біюкъ Башъ зналъ, что ягненокъ, вскормленный сукой, пріобрѣталъ особый привкусъ, и при нѣскольکو развитомъ вкусѣ это можно узнать; онъ также зналъ, что мука зеренъ, выросшихъ на кладбищѣ, даетъ очень вязкое тѣсто, и хлѣбъ не подымается, но утверждение третьяго брата, то, что онъ такъ долго скрывалъ отъ всѣхъ, его окончательно смутило. Біюкъ Башъ потерялъ душевное равновѣсіе, и когда молодые люди предстали съ просьбой разрѣшить ихъ дѣло, онъ сердито отвѣтилъ, что у него нѣтъ времени и предложилъ имъ обождать до слѣдующаго дня. И такъ продолжалось цѣлую недѣлю.

Между тѣмъ, дѣло братьевъ не давало ему покоя и, благодаря этому, онъ сталъ раздражителенъ и невыносимъ даже въ семьѣ

и на судѣ, и со всѣми, кто имѣлъ съ нимъ дѣло.

II.

Послѣ этого ни жена, ни единственная дочь Кадія, красавица Мелекъ, не имѣли покоя: все судѣ не нравилось, на всѣхъ онъ ворчалъ, ко всему придирался.

Тогда умница Мелекъ подала отцу такой совѣтъ.

— Позволь мнѣ, отецъ, сказать слово, можетъ, я помогу.

— Говори.

— Завтра, когда братья придутъ требовать разрѣшенія дѣла, то ты имъ скажи, что у тебя нѣтъ времени, чтобы они ушли, и какъ только уйдутъ, позови ихъ обратно и потребуй, чтобы они рассказали еще разъ свою тяжбу, сдѣлай это нѣсколько разъ и замѣть, кто изъ братьевъ, когда ты гонишь, первымъ уходитъ и когда зовешь обратно, послѣднимъ входитъ. Это и будетъ воръ, потому что совѣтъ его гонитъ отъ тебя первымъ, и она задерживаетъ его, когда ты зовешь къ правосудию.

Біюкъ Башъ, не довѣряя своей дочери, все таки послѣдовалъ ея совѣту и пять разъ подъ разными предлогами выпроваживалъ отъ себя и звалъ обратно братьевъ.

Изъ пяти разъ младшій братъ три раза вышелъ первымъ и вошелъ послѣднимъ.

— Отдай перстень, сказалъ судья.

Младшій братъ покраснѣлъ и сказалъ:

— Это рѣшеніе, Кадій Эффенди, не твоего ума, твоей дочери.

И отдалъ перстень...

Вернувшись домой, младшій братъ послалъ сватать дочь Біюкъ Баша. Кадій согласился, очень скоро сыграли веселую свадьбу, которая продолжалась двѣ недѣли. Почти всѣ почтенные татары пріѣзжали въ Акъ - Монай поздравить Кадія, всѣ джигиты принимали участіе въ скачкахъ, устроенныхъ Кадіемъ, почти всѣ борцы горныхъ деревень участвовали въ борьбѣ; но всему на свѣтѣ наступаетъ конецъ, и послѣ праздниковъ всегда бываютъ будни.

Кадій Эффенди Біюкъ Башъ, когда всѣ разъѣхались, призвалъ своего зятя и обратился къ нему со словами:

— Послушай, любезный сынъ мой, ты знаешь, конечно, что какъ у меня нѣтъ сына, ты заступишь мое мѣсто, ты займешь мѣсто Кадія. Кадій долженъ имѣть зоркій и наблюдательный глазъ, и съ этой стороны я спокоенъ.

Я вижу, ты превзойдешь, по волѣ Аллаха, своего тестя. Послушай, я не удивленъ, какъ вы узнали, что верблюды были кривыми на правый глазъ, я понимаю, что верблюды были нагружены бочкой меда справа и бочкой уксуса слева, я допускаю, что жена старика была толстая женщина, я знаю, какъ отличить хлѣбъ, посвященный на кладбищѣ, я знаю, какого вкуса бываетъ мясо ягненка, вскормленного молокомъ собаки, но меня поражаетъ, сбиваетъ съ толку и пугаетъ, какъ вы угадали, что я такъ скрывалъ отъ всѣхъ, отъ самыхъ близкихъ (передъ тобою я буду откровененъ), что я — подлець.

— Послушай, отецъ мой Біюкъ Башъ Эфенди, если бы ты былъ порядочнымъ человекомъ, развѣ ты пошелъ бы подслушивать своихъ гостей?

Молитва Гахама.

Давно, давно, еще до прихода потомковъ Чингисъ - Хана, славился въ Крыму хазарскій ханъ Ратмиръ своей мудростью, справедливостью, добротой и щедростью. Ни до него, ни послѣ него не было равнаго ему по добротѣ и щедрости: будь у скупости вѣтви и повернись ханъ Ратмиръ къ нимъ лицомъ, онъ покрылся бы плодами благодѣяній, обратись Черное море въ чернила, а московскія степи въ бумагу — не описать добрыхъ дѣлъ славнаго повелителя благодарнаго полуострова.

Это онъ велѣлъ запечатать Шайтанъ Чокрокъ (Чертовъ ключъ) около Кокъ - Тобели — этотъ ключъ такъ и до сего времени зовется. Вода этого ключа помрачаетъ разумъ человѣка: глаза того, кто попробуетъ этой влаги, видятъ только то, что угодно Шайтану, уши слышатъ только одни дьявольскія нашептыванія, память забываетъ все, все прошлое, какъ бы оно ни было дорого, руки перестаютъ творить угодное Богу, а языкъ начинаетъ болтать и вертѣться, какъ шапка на головѣ невѣрныхъ.

* Къ концу 25-го года славнаго благополучнаго царствованія хана Ратмира послалъ Господь въ теченіе многихъ лѣтъ страшный сѣверо - восточный вѣтеръ. Дулъ безпрерывно семь лѣтъ этотъ все иссушающій вѣтеръ изъ московскихъ степей, не имѣющихъ предѣла, и наступила небывалая засуха.

Изякли всѣ ключи, пересохла крымскія рѣки: умолкъ веселый Салгирь, исчезла мрачная Альма, обнажила свое каменистое дно шумная Кача, зачахла берега мутной Карасу, и напрасно крымская форель искала убѣжища въ глубокихъ ключахъ крымскихъ скалъ. Слѣдующую весну и они пересохла.

Въ первомъ же году наведеннаго Господомъ бѣдствія осыпался неоплодотворенный бѣлоснѣжный цвѣтъ миндаля, розовый цвѣтъ персика, бѣлый цвѣтъ вишенъ и черешенъ, цвѣтъ яблонь и грушъ, быстро зачахла въ сѣрой и знойной пыли молодые и сочные побѣги винограда. Погибли посѣвы и травы. Отошала курдюки у овецъ, свисли горбы у верблюдовъ. Появилась болѣзнь на скотѣ и на людяхъ, и сталъ страдать народъ отъ жажды и голода.

**

Начальникъ конницы хана Ратмира и его совѣтники предложили распечатать Чертовъ ключъ и дать своимъ подданнымъ, хотя и

глетворной, но все - таки жажду утоляющей влаги.

Ханъ Ратмиръ колебался.

— Какъ же я смогу управлять людьми, которые сойдутъ съ ума.

— Ну что-же, — будемъ пить и мы, — успокаивалъ начальникъ конницы.

Ханъ не рѣшался.

И жилъ въ то время въ столицѣ хана Солкаты (въ Старомъ Крыму — нынѣ заштатный городъ Феодосійскаго уѣзда) ученый караимъ Гахамъ Шемуэль и записывалъ изо дня въ день на пергаментѣ всѣ великія дѣла хана Ратмира. Ханъ обратился къ нему за совѣтомъ.

Гахамъ горячо совѣтовалъ не открывать опаснаго ключа и положиться на милость Господню.

— Подумай, лучезарный повелитель, сказалъ онъ, — во что обратятся твои подданные: влага этого источника лишитъ ихъ разсудка. Не надо отчаиваться. Господь страшенъ въ своемъ гнѣвѣ и безграниченъ въ своей милости. Нужно вытерпѣть Божью кару. Какъ ни тяжело пережить эти испытанія, Юву было хуже. Потерпимъ, будемъ просить милости у Господа Бога, будетъ хуже, если люди перестанутъ быть людьми. Будемъ поддерживать жизнь небесной росой.

— Ему, тощему мудрецу, легко питаться

росой, а какъ быть человѣку рабочему, — замѣтили истощенные подданные хана Ратмира.

Ханъ послушался совѣта Гахама Шемуэля и долго не отворялъ рокового ключа, но когда бѣдствіе достигло крайнихъ предѣловъ и изможденные люди возопили къ своему повелителю, ханъ Ратмиръ велѣлъ снять печати съ Чертова ключа. Весело и шумно сверкая побѣжала къ Кокъ - Тобели соблазнительная, свѣтлая, прохладная струя, всѣ — и молодой и старый — бросились утолять жажду влагой студенаго ключа, потрясающаго разумъ человѣка. Одинъ Гахамъ Шамуэль удержался.

Онъ ушелъ изъ столицы на ближайшую гору Агоршышъ, собралъ въ большую кучу разбросанные камни, сложилъ ихъ аккуратно; горячій вѣтеръ, проникая кучу, оставлялъ на холодной поверхности камней капли воды, которая стекала изъ подъ кучи и давали достаточно воды, чтобы покрыть всѣ потребности старца. И смотрѣлъ со своей высоты Гахамъ Шамуэль на все, что творилось въ городѣ, рѣдко спускался въ одичавшую столицу и записывалъ изо дня въ день, что творилось на его глазахъ, на отдѣльныхъ листкахъ пергамента.

**

Много вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ и разметали время и люди пергаментъ Гахама Шемуэля. Осталось нѣсколько листковъ, а большая часть пропала.

Старики рассказываютъ, что нѣсколько листковъ увезли въ Москву, нѣсколько въ Европу, а большая часть пропала, и не могутъ найти послѣдній листокъ съ чудотворной молитвой до сихъ поръ.

Ученые всего міра стараются возстановить мудрыя записи, но до сихъ поръ во всей полнотѣ это еще не удается.

И вотъ что сохранила память старыхъ людей изъ этихъ листковъ Гахама Шемуэля.

Въ первый годъ бѣдствія, постигшаго Крымъ, Гахамъ писалъ:

«И стали мы какъ дубъ, у котораго увяли листья, и какъ садъ, въ которомъ нѣтъ воды. Остался я одинокъ, какъ Иона во чревѣ кита; какъ праотецъ Яковъ, грустенъ; страдаю я какъ Іовъ и горюю, какъ Адамъ, лишившійся рая.

Овдовѣли мои надежды и поженились мои слезы. Да отвратитъ Вседержитель — да будетъ благословенно Его имя — свой гнѣвъ, и да не увидятъ больше мои глаза того, что я вижу, и да не услышатъ уши мои никогда того, что я слышу.

Въ тотъ самый день — день гнѣва Божьяго, день ужаса и опустошенія, день гибели и скорби — какъ отвѣдали подданные хана Ратмира ядовитой влаги Чертова ключа, все пошло у насъ въ угоду дьявола.

Убѣленные сѣдиной, умудренные опытомъ старцы, старѣйшины государства лишились дара слова и стали нѣмы, когда сами камни вопіяли къ нимъ, и вмѣсто нихъ заговорили безъудержу молодые люди, которые на всѣхъ площадяхъ кричали, что умъ не въ возрастѣ, а въ головѣ всякаго человѣка.

Всѣ они стали говорить безъустали, не хватало словъ, изъ двухъ, трехъ, четырехъ словъ дѣлали новыя слова, и полетѣли искалѣченные слова по всему Крыму и, какъ хлопья снѣга во время крымской зимы ложатся на землю, производя грязь и образуя лужи, ложились грязью эти исковерканныя слова на души людей.

**

И еще черезъ годъ записано у Гахама Шемуэля:

«И пришли дни, которые предсказалъ пророкъ, и похищено все, что въ домѣ и что собирали отцы до сего дня.

Всѣ сановники хана Ратмира стали поденщиками, всѣ поденщики сановниками и люди, которыхъ Господь благословилъ достат-

комъ, стали босяками, а босяки уродуютъ себѣ ноги, стараясь одѣть на одну ногу два сапога».

И еще черезъ годъ Гахамъ Шемуэль записаль:

«И стали всѣ равны и всѣ голодны. Сегодня видѣлъ начальника столицы, который, встрѣтя похороны погибшихъ отъ голода и болѣзней, кричалъ: «Пошли, Боже, хорошую жатву», и толпа темная, безумная, тоже кричала: «Пошли, Боже, хорошую жатву». Да будетъ проклята соблазнительная влага, помрачающая не только разумъ, но и совѣсть у людей».

И еще черезъ годъ записано на найденномъ листкѣ пергамента Гахамомъ:

«Не стало благочестивыхъ и прямушнихъ. Всѣ дѣлаютъ засаду, ловятъ другъ друга въ сѣти, подозрѣваютъ всѣхъ, ограбившіе страшно боятся ограбленныхъ, и безстыдная, какъ это бываетъ всегда, и наглая трусость проливаетъ потоки ненужной, безвинной крови. Много, очень много пролито крови, много мукъ приняли на себя подданные хана Ратмира изъ-за подлой, трусливой подозрительности».

«Не плачьте объ умершихъ — записаль Гахамъ Шемуэль стихъ изъ пророка — не сѣуйте объ нихъ, но горько плачьте объ от-

ходящихъ въ плѣнь, ибо они уже не возвратятся сюда и не увидятъ земли своей».

Изъ слѣдующаго года сохранился обрывокъ:

«... собрались новые сановники на совѣтъ и рѣшили послать тлетворной воды Чертова ключа во всѣ концы міра — мы голодны, пусть и они будутъ голодны — и на сѣверъ, и на югъ, и на востокъ и на западъ.

На сѣверѣ разбили сосуды и не стали пробовать ужасной влаги.

— Мы слишкомъ любимъ свою родину, чтобы погубить ее, какъ вы это сдѣлали, — такъ отвѣтили посламъ на сѣверѣ.

На югъ сказали:

— Помогите справиться съ нашими врагами греками, а потомъ мы посмотримъ. И когда побѣдили грековъ, отвѣтили: «на что намъ ваша чертова вода, когда у насъ своя, Божья».

На западѣ сказали:

«Одной воды мало, привезите все, что у васъ награблено, и все, что осталось, а тамъ увидимъ».

Только на востокъ, среди темныхъ и слѣпыхъ народовъ нашлись люди, согласившіеся испробовать тлетворной влаги, но и тамъ, когда никто не замѣчалъ, проливали воду Чертова ключа во всепоглощающій песокъ.

На шестой годъ бѣдствія найденъ листокъ

пергамента, на которомъ рукой Гахама Шемуэля написано:

«... Велика твоя радость, Вседержитель, но и страшенъ твой гнѣвъ».

Появились люди, кровожадные, какъ волки, хитрые, какъ лисицы; показываются люди тупые, какъ бараны и лукавые, какъ змѣи. Правятъ страной молодые люди, у которыхъ умъ коротокъ, какъ обрубленный хвостъ верблюда, и которые, какъ попугай, повторяютъ непонятныя слова.

Все разграблено, все расхищено; когда стало нечего красть, стали похищать то, чего нельзя похитить: названія, имена. Скалу Орловъ назвали Звѣриной скалой, какъ будто бы люди забудутъ, что тамъ гнѣздились и будутъ гнѣздиться орлы».

Семь лѣтъ продолжалось бѣдствіе въ Крыму, пока Гахамъ Шемуэль не составилъ новой молитвы и услышалъ ее Всевышній. Гахамъ записалъ свою молитву, но этотъ листокъ пергамента не найденъ, только начало сохранилось:

«Все въ Божьей Волѣ, Онъ умудряетъ и Онъ лишаетъ разсудка. Онъ просвѣщаетъ и Онъ затемняетъ. Благословенъ Повелѣвающій Вселенной».

Преданіе гласитъ, что послѣ молитвы Гаха-

ма подулъ благодатный западный вѣтеръ и принесъ спасительный дождь. Бурно понесли свои воды веселый Салгиръ, мрачная Альма, шумная Кача, мутная Карасу. Открылись источники, очнулись подданные хана Ратмира и въ ужасѣ увидѣли, что они сдѣлали со своей родиной.

Много разныхъ народовъ приходило въ Крымъ и переходило черезъ Крымъ, много мудрецовъ и ученыхъ всего міра искали затерянный листокъ пергамента съ молитвой, какъ избавить людей отъ помѣшательства, и никто не могъ найти до сихъ поръ.

Когда найдутъ и кто найдетъ этотъ пергаментъ, знаетъ одинъ Всевышній, а пути Его неисповѣдимы. Народы проходятъ — Одинъ Онъ безсмертенъ.